

К вопросу о вечном возвращении: дело Фила Коннора

Статья посвящена проблеме времени в ее экзистенциально-философском аспекте. Авторы анализируют временность человека через феномены скуки, абсурда, смерти, повтора. На примерах философской классики, кино и литературы рассматриваются способы и пути преодоления кризисных состояний человека современного мира.

Ключевые слова: время; временность; повторение; скука; абсурд; смерть; бессмертие; целевая причина; «День Сурка».

Человек – существо временное, вся его жизнь проходит во времени и с ним связана. Мы обречены на временное существование: можно ничего не делать – временность дана нам даром с рождения. Но то, что дано даром, может иметь ценность подарка, а может и ничего не стоить. Отсюда постановка вопроса данной работы: какова ценность времени в человеческой жизни и зачем оно нам дано?

Известный фильм «День сурка» режиссера Х. Рэмиса построен по принципу апорий Зенона, в фильме показана обреченность на повтор одних и тех же событий, сводящих к нулю любое усилие. Главный герой фильма стремится жить активно, искренне и заинтересованно реагируя на все события и случаи, в которые он попадает. Но к утру, вне зависимости от окончания дня и от его «результатов», он оказывается у того же самого временного рубежа – 6 часов утра 2 февраля того же года. Фил Коннорс близок к следующему дню, но дверь в этот день закрыта. Встает вопрос: а влияют ли на самом деле наши действия на что-то действительно важное? Почему Фил Коннорс сопротивляется? Почему он не хочет смириться с повторением событий, ведь бесконечное повторение ведет к определенной доли безответственности, к возможности делать «что хочешь» и всё предвидеть. Но Фил Коннорс этого не хочет и делает вывод: «*что-то не так в его жизни*».

Философ Зенон Элейский описывал эту же логическую ситуацию в апории Дихотомия. Апория повествует о том, что Некто, собравшийся в другой Город, *до места этого не дойдет*. Путнику сначала надо пройти половину пути, а до этого – половину половины, а до этого половину половины и так далее. Цель реализована не будет. По преданию, Зенона били, и он бил оппонентов, демонстрируя этим, что движение есть, но чувственно (глазами) наблюдаемое движение само по себе к бытию не имеет отношения. А что имеет отношение к бытию? Очевидно, такое движение, которое приводит к цели, к целевой причине.

Представим, что ситуация с Филом Коннорсом реальна. Человек каждый день просыпается в том же самом месте, в 6 часов утра, вне зависимости от того, что с человеком было «вчера». Время не движется, и «завтра» не наступает. Это «по сути» бессмертие причиняет Филу Коннорсу непонятного рода страдание. Согласимся, довольно странно – вот она, заветная цель всего человечества, волшебная мечта и реализованная сказка, но отвергаемая по непонятой нами пока причине.

У А. и Б. Стругацких в повести «Пять ложек эликсира» за бессмертие люди сражаются, сражаются чужими жизнями, а попросту – убивают конкурентов за эликсир. В результате, как в эволюционной теореме Ч. Дарвина, «выживает силь-

* Елена Юрьевна Погорельская, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** Леонид Сергеевич Чернов, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии УИУ (филиал) РАНХиГС при Президенте РФ (г. Екатеринбург).

нейший». По стечению обстоятельств невольным соискателем эликсира становится писатель Феликс Александрович Снигирев. Снигирев в ситуацию попадает случайно. Его соседа Константина Курдюкова с диагнозом «ботулизм» увозят в больницу, и он просит Феликса ему помочь: взять у некоего Ивана Давыдовича лекарство мафуссалин, двух капель которого достаточно, чтобы больного вылечить. Феликс по доброте душевной стремится помочь своему «умирающему» соседу и оказывается посвященным в тайну, которую могут знать только пять человек – тайну человеческого бессмертия. Почему пять? Потому что эликсира жизни хватает только на пятерых и накапывает его на пятерых только за три года в одной из карстовых пещер в Крапивкином Яру. Проблема в том, что любой шестой человек становится конкурентом, поэтому тайну надо категорически сохранять. Но Костя Курдюков по своей тотальной трусости, и с уже 700-летней привычкой жить, пугается ботулизма, ведь ботулизм – это яд, который, возможно, выходит за «компетентное действие» эликсира. Эликсир же суть гормональный стимулятор, поддерживающий организм в режиме самостоятельного стопроцентного самообновления. Поэтому Курдюков и отправляет своего соседа Феликса за дозой эликсира к главному Магистру Ивану Давыдовичу, а попросту – раскрывает тайну бессмертия. Снигирев ничего в этом не понимает, все просьбы добыть новое лекарство он принимает за «чистую монету», и потому понятно его первичное недоумение, а потом страх, а впоследствии возмущение, что его втянули в ситуацию, которую он, кстати, не выбирал, он, дескать, вообще ни при чем. Это похоже на то, как человек попадает в жизнь вообще, он ведь тоже не выбирает, но проблема, которую ему ставит жизнь, похожа – насколько долго ты хочешь жить и какой ценой? Герои Стругацких готовы драться за обнаруженное благо – вечный повтор своих дней, а вот Фил Коннорс недоволен.

Бессмертие само по себе в современном мире считается благом. Мало того, люди в повседневной жизни почти не думают о смерти, они думают о смертности только в чрезвычайных обстоятельствах, которые нормальными не назовешь. В большинстве же случаев человек живет так, как будто он будет жить вечно. В повести «Пять ложек эликсира» бессмертие представлено сугубо количественно, как делящаяся вереница дней, наполненная основным субъективным качеством человека, которое в течение длительного времени выкристаллизовывается до совершенства. «Когда обыкновенный серенький человечек волею судьбы обретает бессмертие, он с неизбежностью превращается через два-три века в мономана ... Черта характера, превалировавшая в начале жизни, становится со временем единственной» [13, с. 195]. Так появляется эротоманка Наталья Петровна, маркизанточка из рейтарского обоза, и Павел Петрович, «человек гастрономический», «вкусовой пупырышек», и другие. Фила Коннора при его определенном душевном складе ждала именно такая перспектива. Ну, например, быть эдаким чудаконфокусником, который предсказывает людям их ближайшую судьбу на день – 2 февраля, знанием о котором Фил Коннорс владеет полновластно, как бог. Но он от такой перспективы, как и писатель Феликс Снигирев, отказался.

Заостряем вопрос до предела: почему Фил Коннорс отказался от бессмертия, выраженного в повторениях одного и того же? Почему Феликс Снигирев отказался от бессмертия, реализованного через потенциальную бесконечность дней? На что ориентированы эти люди, если бессмертие само по себе для них не ценно?

С времени Адама в человеке реализовались две связанные между собой способности: наделение предмета смыслом и свобода. Первое, что дарует Господь человеку, – это право именовать зверей и птиц, и вообще всё живое. Адам не задавался вопросом «а что это?», глядя на новое и незнакомое. Он сразу видел сущность того, что перед ним, и в этом смысле ему было легко, поскольку он обладал абсолютным пониманием вещей, он не вступил бы в «конфликт интерпретаций»,

ибо обладал истиной знания вещей. Значит, делаем вывод – он обладал и пониманием добра. Что такого не хватало первым людям, в этой наполненной абсолютным смыслом обители, что заставило их искушаться на внешнюю малость – плод, похожий на яблоко? Можно ли это назвать пустым детским любопытством, но за легкомыслие детей так не наказывают. Они усомнились в полноте как таковой, и им захотелось посмотреть «за грань». За гранью было зло, о чем их и предупреждали, за гранью была смерть, люди стали смертными. Но не в момент.

Каждый человек перед смертью проходит «свою историю», свое время. Зачем человеку эта «отсрочка» и почему Бог не допустил первых людей, Адама и Еву, к дереву, дающему бессмертие? Вероятно, что после грехопадения *перспектива качества бессмертия* человека мало чем отличалась бы от того, что описали Стругацкие в повести «Пять ложек эликсира».

Очевидно, что человеку *предоставлен жизненный путь*. Наивно думать, что ты все можешь и можешь это все контролировать. В истории явленность причин не является достаточным основанием для возникновения события. Хотели папа с мамой родить мальчика – первый раз родился Вася, а второй – Маша. А папа с мамой одни и те же. Как тут спланировать риск и наладить стратегию? Все просто возникает. Из того, что возникает, – что-то рождается. Спутаны все временные ситуации. Человек представлен как *путь без адреса*. Хотя Х. Кортасар обещает нам, что нашей осмысленности может быть достаточно, чтобы получилось что-то более-менее достойное: «Мою книгу каждый может читать, как ему вздумается. Liber Fulguralis, мантические листы и так далее. Я просто располагаю их так, как бы мне хотелось прочесть. Но даже если все перепутается, кто знает, может, тогда-то и выйдет замечательная книга» [8, с. 531]. Еще один вариант бессмертия: думай по кругу, конституирование смысла будет происходить в каждый момент, согласно «предписанию» герменевтического круга все части будут иметь смысл и из частей выстроится целое. И хотя это целое может быть разным, оно все равно замкнуто, из жизни никуда не уйдешь, от себя никуда не уйдешь, и Фил Коннорс тоже никуда не денется из 2 февраля. Есть ли тут история? Это просто временность человеческая. Разве то, что мы не можем выйти из времени автоматически, делает нас историчными?

Интуиция подсказывает, что все несвоевременно. Все просто возникает и никуда не исчезает. Человек проходит по несвоевременному, по оборванным хаотичным событиям, увязывая их в себе в частные истории, которые даруют ему частичную осмысленность его бытия. Личные истории превращаются в отдельно звучащие мелодии, в метафорические созвездия, в образы, в легенду.

Историю представляют как последовательность фактов, имен, длительностей событий, время историческое представляют как дорогу, нить, линейно; и пусть в фактах этих не прослеживается логической зависимости, они все равно следуют один за другим. Но в жизни нет линейной последовательности рождения и смерти, факты похожи на ноты, они и звучат по-разному.

Целевая причина не связана со временем. Поэтому все несвоевременно, а история связана внутри себя и представляет собой потенциальное бытие. А целевую причину, подсказывает язык, нужно искать в идее целого, а не в будущем. Но вечность целого и вечность повтора – разные.

Время непосредственно связано с переживанием. Если сравнить актуальность человеческой природы с возможностями музыкальных инструментов в оркестре, то в целом получится, что у нас всё есть – по крайней мере, *есть язык для выражения этого мира* и для понимания звучания этого мира. Мелодии играют разные, каждая со своей продолжительностью, некоторые играют бесконечно – это то, что захватывает целиком, жизнь как таковая. Человек подобен оркестру. (Почему используется музыкальный образ, а не язык как таковой, ведь язык шире и

богаче, и структурно музыка является одним из видов языка как такового? Но язык менее отчетливо связан с переживаниями, чем музыка.) Художник скажет, что мир воплощается в цвете и образах, и будет прав. Человек берет для себя то, что ему ближе. Мы рождаемся в уже ставшем мире, мир нам предлагает краски, кисточки, устное слово, песню, инструменты для исследования – всё, что позволяет нам вовне воплощать себя, длить себя, свое существование. Дольше всего живут символические предметы, то, в чем жизнь запечатлена наиболее достоверно. В итоге все символы объективированы (выражены вовне) и связаны с личными переживаниями. Метафизика символов проступает в каждом поступке, в каждом жесте. Символические вещи являются теми божественными условиями, при соприкосновении с которыми человек начинает выдавать следствия, творя из себя, как из материала. Звезда, дающая свет, – абсолютно недосыгаема, но она формирует путь. Заметим, звезды «реально» может уже и не быть, но это и не важно. Рай всегда потерян, но от этого он не перестает быть раем.

«Можно убить все, только не тоску по царству, она – в цвете наших глаз, во всем, что способно породить бурю в нашей душе, что нас расковывает и нас обманывает. Wishfulthinking, может быть» [8, с. 389]. После того как совершилось грехопадение, Адам и Ева узнали, что они наги, и спрятались, и Бог искал их. Человек спрятался так (!), что даже Бог его не увидел. Что такое узнали о себе люди, что их охватил такой страх: «И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему, где ты?» [3]. Потерялся человек, спрятался от себя самого и от Бога. Потеря человеком самого себя, его растерянность – начало движения к возвращению. Фил Коннорс начинает это движение, осознав дурную количественную бесконечность 2 февраля. Голос Бога говорит в нем ситуацией абсурдного повтора.

Классический «день сурка» описан А. Камю в «Мифе о Сизифе». Абсурд жизни представлен легендой о Сизифе, который нарушил обещание богам и за это наказан бессмысленным, никому не нужным трудом – закатывать тяжелейший камень на гору. Кому это надо? Никому, ибо Сизиф просто наказан за непослушание. Величие Сизифа, согласно Камю, в том, что он принимает свою судьбу, не стонет, не просит пощады. Камю восхищен Сизифом, он представлен «крепче скалы». Но Сизиф дважды абсурден. Первый раз он абсурден *по воле* судьбы и богов, которые «наградили» его таким бессмысленным тяжелым трудом. Второй раз он еще более абсурден – *отрицая этих богов*, считая, что его судьба в его руках. «Я покидаю Сизифа у подножья горы, – говорит Камю, – ...от собственной ноши не отделаешься. Но Сизиф учит высшей верности, которая отрицает богов и поднимает обломки скал. Сизиф тоже признает, что все – хорошо. Отныне вселенная не кажется ему ни бесплодной, ни никчемной... Одного восхождения к вершине достаточно, чтобы наполнить до краев сердце человека. Надо представить себе Сизифа счастливым».

Сколько обиды на богов в этом поэтическом тексте, обиды за абсурд жизни. Человек меняет отношение к событиям, укрепляясь через сопротивление, через опору на внутренние идеалы. Человек сопротивляется обстоятельствам, сопротивляется активно, и в этом он приобретает себя. Видимо, это имел в виду Камю, когда оправдывает сопротивление абсурду. Но бунт, который предлагает Камю как выход из абсурда, – не универсален. Можно формировать себя, ломать себя и выстраивать заново, но зачем? Человек зажат смертью как непроходимой стеной, и мы все в ее плену, особенно те, кто отрицает существование трансцендентной реальности, Бога. Когда мы говорим слово «выход», следующий вопрос звучит «куда?». Абсурдный мир Сизифа лишен перспективы. В нем не удастся выйти из 2 февраля.

Странная жизненная история представлена в сказке Андерсена «Русалочка». Будучи еще ребенком, русалочка живет интересами о земном мире; она ждет не

дождется, когда ей наступит пятнадцать лет, чтобы увидеть воочию этот мир. По непонятным причинам она выбирает для себя то, что является «потусторонним» ее естественной стихии. Она влюблена в земной мир заранее, *это цель* ее стремлений. Поднимаясь на поверхность моря в день своего пятнадцатилетия, Русалочка сразу сталкивается с ситуацией, когда ей надо спасать тонущего человека, принца, *спасать* принадлежащее земному. Актуальность такого поступка была предрешена, ведь русалочка любила все, что принадлежало миру людей давно, а сейчас она просто воплотила это в действие. Между ее внутренней природой и действием в мире людей не было вообще никаких промежуточных шагов. Спасение принца случилось внезапно, оно произошло самым коротким путем, ибо было предрешено. «Острые мгновения как таковое не выбирается, над ним не размышляют, его не знают. Это острие открывается нам как нечто по-настоящему делающее возможным, открывается как-то, что в своем собственном существе вот-бытия могло бы и должно было бы высвободиться как его – *вот-бытия* – глубочайшее осуществление» [14, с. 242]. И уже далее Русалочка отчаивается на *исторический* поступок – она идет к старой ведьме, способной максимально приблизить ее к миру людей, способной дать ей ноги взамен рыбьего хвоста. «А еще ты должна заплатить мне за помощь, – сказала ведьма, – и я недешево возьму! У тебя чудный голос, им ты и думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос мне» [1, с. 348]. Русалочка остается безголосой, она ничего не может сказать принцу. Ее спасающий мир безголос, и только в воле принца этот мир разглядеть. Но принц – плоть от плоти – земля, земной человек, он не видит ничего, что выходило бы за уровень здравого смысла, и потому он выбирает любовь земную, другую принцессу. Русалочка растворяется в море, становится пеной морской, *миры не смешиваются*. Земной мир живет внутри себя, крутится внутри себя, принц не преодолевает «день сурка», чего нельзя сказать о Русалочке. Но Русалочка совершает подвиги, ее любовь жертвенна и милосердна, конечно же Фил Коннорс не похож на кроткую Русалочку.

В фильме «Господин Никто» Ж. Дормеля мы видим старика, который на вопрос, сколько ему лет, отвечает, что 34 или 9, хотя по логике фильма ему 118. Но остановиться в памяти возможно на любом рубеже. Герой фильма Немо перебирает внутри себя все вариации прошлого, что проходят по памяти, не разделенной на фантазии и реальность. *Надо ли сортировать иллюзию и реальность?*

И. Кант в «Критике чистого разума» говорит о том, что разум с неизбежностью впадает в трансцендентальную иллюзию, когда выходит за пределы возможного эмпирического опыта. Поэтому научное мышление так привязано к наблюдениям и экспериментам, они как якоря, оставляющие человека в материальном мире. Но как только человек остается один на один с собой, происходит то, что Борхес называет «садом расходящихся тропок» – возможно все. Мы начинаем крутиться в трансцендентальном мире. Одним из путей для Немо был путь сознательного успеха. «В тот день я принял множество глупых решений», – вспоминает Немо, – ... я не остановлюсь, пока не добьюсь успеха». Он добивается, получает, что хотел: дом с бассейном, жену, детей, работу и неуверенность в том, что жив. Немо двигался по жизни согласно поставленным сознательно целям, но почему-то проиграл, хотя, как учит Макс Вебер, все делал правильно, целерационально. Другой, параллельный этому путь, – это путь невзаимной любви Немо. Он тоже оканчивается провалом: Элиза уходит от Немо в никуда. Третий путь невозможной любви Немо к Анне, с которой Немо расстается по стечению обстоятельств и так же по стечению обстоятельств никогда с ней так и не встречается. Чувство к Анне Немо пронесет через всю жизнь, и это единственное, с чем он умрет. Имя Анна будет последним его словом, и неясно в итоге, какой путь верен.

Ясно то, что Немо *не делает выбора*. Он оставляет себе все. «Все могло быть другим, но иметь тот же смысл», – говорит Немо. Но если Немо прав, выбирая одновременно все возможные для себя варианты жизненных планов, если *любая* жизнь имеет смысл и оправдание, то почему же Фил Коннорс сопротивляется? Фил Коннорс на любую жизнь не готов. Но может Немо тоже на любую жизнь не готов и потому выбирает все сразу?

Немо – платоник. Он статичен при всей кажущейся динамике его мышления. Немо не разделяет мечты/иллюзии и действительные события/эмпирические факты. И понятно почему: человеческими поступками руководят идеи. Физическая сила всегда конечна, метафизическое усилие действует перманентно на протяжении всей жизни и создает массу поступков. В чем же свобода Немо? В том, что он выбрал все сразу? Но в этом случае своей единственной личной истории для Немо нет, он остался там, в девятилетнем возрасте, «помнящим» свое будущее в разных вариантах. Абсурдный человек, старик, владеющий будущим, как настоящим, в котором ничего нельзя изменить, несмотря на вариативность предложенных путей. Они все конечны, они все определены, они все не предполагают человеческой свободы. В этой иллюзорно свободной жизни господина Никто нет творения, человек просто проигрывает одну из жизненных мелодий, имеющих у него в распоряжении. Наличие выбора дает видимость свободы, но на самом деле Немо не свободен. Его свобода ограничена возможными рамками разрастающихся событий, вариантов много, но они, тем не менее, конечны. Немо не участвует в строительстве жизни. Как не участвует в строительстве жизни Сизиф, поскольку наличие выбора еще не дает свободы.

«Человеческое *вот-бытие* может стать существенным за краткий промежуток объективного времени, и оно так же может остаться несущественным на протяжении семидесяти и более лет» [14, с. 243]. Немо не преодолел 2 февраля.

Используем дня нашего анализа рассказ А. П. Чехова «Ионыч». Молодой врач Дмитрий Старцев приезжает в скучный город С. Здесь он влюбляется в Екатерину Ивановну Туркину, которая много и плохо играет на пианино и готовится поступать в консерваторию. Роман молодых людей постепенно развивается, и когда наступает время объяснений, Котик (Екатерина Ивановна) назначает свидание на кладбище в одиннадцать часов вечера. Для театрально настроенной восемнадцатилетней девушки эта блажь – способ проверить искренность чувства своего избранника. Экзамен Старцев, как ни странно, выдержал, ведь он был на кладбище и ждал свою возлюбленную. Но Котик отказала молодому доктору, сославшись на «любовь к искусству» и другие более высокие перспективы жизни. Прошли годы, Старцев ожирел, тяжело «дышит и ходит, откинув назад голову». «...В городе у него громадная практика, некогда вздохнуть, и уже есть имение и два дома в городе, и он облюбовывает себе еще третий, повыгоднее, и когда ему в Обществе взаимного кредита говорят про какой-нибудь дом, назначенный к торгам, то он без церемонии идет в этот дом и, проходя через все комнаты, не обращая внимания на неодетых женщин и детей, которые глядят на него с изумлением и страхом, тычет во все двери палкой и говорит: “Это кабинет? Это спальня? А что тут?” У него много хлопот, но все же он не бросает земского места, жадность одолела, хочется поспеть и здесь и там» [16, с. 309]. Живет он скучно, любовь к Екатерине Ивановне была единственной радостью, сейчас же его мало что интересует, только вот деньги.

А. П. Чехов недаром говорит, что город С. был скучным, а тот, кто попадал туда, скучным становился. Или в город С. попадали только те, кто был скучным изначально, и город С. способствовал тому, чтобы это состояние в человеке проявилось. Когда человек чувствует скуку, он, так или иначе, сталкивается с пустотой. Пустота города (читай: общества) растет за счет пустоты каждого. «То, что

оставляет нас в пустоте, – говорит М. Хайдеггер, – есть то, что наводит на нас скуку» [14, с. 188]. В работе «Основные понятия метафизики» М. Хайдеггер детально анализирует состояние скуки. Воспользуемся его анализом применительно к нашей теме.

Скучное настроение знакомо всем. Скучно смотреть фильм, который тебе давно известен, или у него банальный, «проглядывающийся» сюжет. Скучен разговор, который ничего не дает. Скучен вечер, проведенный с людьми, которые не интересны и не дороги. Скучно ожидать поезда, нечем заняться и т. д. Состояние скуки, так или иначе, указывает нам на то, что мы сталкиваемся с определенным *отказом*. Когда нам скучна книга, фильм, разговор – мы сталкиваемся с отказом, разочарованием в определенных ожиданиях, что будет интересно. Скучность какого-то человека в нашей жизни означает, что нам этот человек не нужен, не дорог, а следовательно, мы сами в отношении этого человека пусты. Скучен вечер, скучен рабочий день, и это означает, что нас на вечере или на работе, по сути, нет. Мы присутствуем здесь номинально, но реально мы где-то в другом месте – в мечтах, фантазиях, воображаемых разговорах, в проблемах, переживаниях, в ином. Скучно то, в чем нас нет. Все эти перечисления свидетельствуют, что мы имеем дело с *лишенностью*. Вроде вещь есть, а на самом деле ее нет. Кажется, что человек есть, а на самом деле – нет. Вроде разговор наличествует, а на самом деле он пуст, т. е. разговора тоже нет. Это похоже на ситуацию со сном: спящий человек есть, но как человек он отсутствует, поскольку сон просто его уравнивает со всем живым. Платон говорит, что ложь – это лежание спящих. Во сне бытие имеет противоречивые качества – оно есть и его как бы нет. В скуке тоже. Разговор есть – но его как бы нет. Человек, сидящий напротив меня и говорящий мне что-то, вроде есть, но я в отношении его пуст, и поэтому для меня этого человека тоже как бы нет. «Скучное – под этим мы подразумеваем: томительно тянущееся, бессодержательное; оно не возбуждает и не побуждает, ничего не дает, ему нечего сказать нам, оно никак нас не затрагивает» [Там же, с. 142]. И всякий раз нам жалко времени, жалко времени на пустое, на то, что нас не затрагивает, на то, в чем нас нет. Скука – разновидность абсурда. *Скучное удерживает при себе*, но ценности не имеет. Оно впивается в нас, оно нас привязывает. У человека возникает ощущение бессмысленности разговоров, действий. Но можем ли мы сказать, что скука бессмысленна? В состоянии скуки хорошо чувствуется время. «Время вибрирует в глубинной основе вот-бытия» [Там же, с. 136]. Мы стараемся чем-то заняться, чтобы не чувствовать пустоту. Когда мы заняты, время исчезает, остается лишь то, что нас захватывает. Но если мы ничем не заняты, вещи оставляют нас в покое. «Оставление в пустоте не означает отсутствие чего-либо: это определенный способ наличия, в соответствии с которым вещи в чем-то отказывают нам, причем отказывают не вообще, не в смысле какой-то всеобщей неопределенности, но отказывают в чем-то таком, чего мы в определенной ситуации и соответствующих обстоятельствах спонтанно ожидаем» [Там же, с. 175–176].

Чеховский Ионыч, столкнувшись с препятствием, с отказом, практически сразу с ним соглашается. «Три дня у него все валилось из рук, он не ел, не спал, но когда до него дошел слух, что Екатерина Ивановна уехала в Москву поступать в консерваторию, он успокоился и зажил по-прежнему» [16, с. 303]. Ионыч отказался от любви, сознательно отказался. Оставшись пустым, вращаясь в одинаковой повседневности, согласившись с этим состоянием, которое «удерживало его при себе», Ионыч выбирает постоянно повторяющееся 2 февраля. «Потом, иногда вспоминая, как он бродил по кладбищу или как ездил по всему городу и отыскивал фрак, он лениво потягивался и говорил: “Сколько хлопот, однако!”» [Там же]. Старцев – типичный человек 2 февраля, такого 2 февраля, которое кажется обыч-

ным, не экстраординарным. Более того, он ведь врач, спасает жизни, приносит пользу людям.

Однако часто бывает, что мы сами «отпускаем себе время», например на празднике, где все очень мило. Там происходит, согласно М. Хайдеггеру, сознательное, осмысленное «коротание времени». Но после нечего вспомнить, все праздники сливаются в один. Остается усталая разочарованность, когда люди ничего друг другу не дают. Эта пустота гнездится в самом человеке, считает М. Хайдеггер. Другому можно отдать, если наполнен ты сам. Увы, рассеивание, расслабленность, потеря себя охватывают человека в современной культуре. Ф. Ницше предупреждает: вся западноевропейская культура, включая самую передовую науку, ведет «от человека», а не к нему. В итоге человеческая природа пропадает, размывается, бледнеет и, как результат, появляется «мертвое время» чеховских скучных персонажей.

М. Хайдеггер считает, что сегодня в обществе присутствует «запертость» времени в настоящем, его разрыв с прошлым и будущим. Сегодня время застаивается и удлиняется в своем застаивании. Так возникает *сосредоточенность на длинном и пустом «настоящем»*. Это настоящее, лишённое будущего и не помнящее о прошлом. «Это стоящее время – мы сами, но наша самость здесь – как оставленная по отношению к своему истоку и будущему» [14, с. 204].

Мы часто говорим: «У нас нет на это времени». «Может быть, это “совсем нет времени”, кажущееся суровой серьезностью, на самом деле – максимальная затерянность в банальностях вот-бытия» [Там же, с. 210]. Не стоит думать, что если «нет времени на это», то человек занят серьезным делом. Глубинная скука и ощущение бессмысленности жизни связаны более всего с тем, что человек не присутствует в мире по сути. И М. Хайдеггер связывает это «неприсутствие» прежде всего с неиспользованными возможностями человека, а проще сказать, с нереализованными талантами. «Однако самость вот-бытия, становящаяся во всем этом неважной, тем самым не утрачивает своей определенности: напротив, только своеобразное обнищание, начинающееся с этого “скучно” по отношению к нашей личности, и приносит самость во всей ее наготе к себе самой как самости» [Там же, с. 229]. Сталкиваясь с собственной пустотой, человек, настроенный на «позитивное» отношение к жизни, бежит от себя, заполняя, продлевая настоящее время, оставаясь для себя безликим.

Неопределенность человека дублируется расширением времени, когда все вокруг сливается/слипается в простую протяженность жизни, в вереницу дней. «Неопределенность захватывает вот-бытие, но так, что оно, вот-бытие, во всей далекой и развернутой шири не может схватить ничего, кроме того, что оно остается плененным этой ширию и вовлеченным в нее» [Там же, с. 243–244]. Это и есть время как таковое – удерживающее, принуждающее, заставляющее скучать. Нужно выходить в другой режим жизни, а человек выпадает в рассеяние, потому что *не может держать ни чувство, ни мысль на определенном уровне постоянства и концентрации сил*. Здесь мы приходим к логически обязательному тезису, что первичное условие преодоления 2 февраля есть формирование прошлого.

В. Набоков заметил, что человека интересует то, что будет «за гробом», но он абсолютно индифферентен к тому времени, когда его не было. Человека не пугает время до рождения, но ему сложно представить вечность, в которую он несется со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час [10].

В фильме «День сурка» не фигурирует 1 февраля. Как будто его вообще не было. Фил Коннорс начинает свою жизнь, как Адам, – сформированным человеком, понимающим многое в этом мире, обученным и включенным в мир человеческих отношений. Он, как и Адам, – не историчен, прошлого у Фила Коннора нет. История для Адама начинается от грехопадения, затем следует изгнание из

Рая и собственно обратный путь к Богу, длиной в жизнь. Эта тема странничества, скитания еще не раз возникнет в библейских сюжетах, и всякий раз мы видим, что странник, путник ищет землю обетованную, лучшую для себя и тех, кто рядом. Для Адама понимание того, куда он идет, – принципиально, потому что он *помнит* то, что он потерял, и память в данном ключе является нитью Ариадны, которая выведет Адама к Богу, и весь путь Адама – это возвращение. Память не должна порваться, иначе Адам потеряет ориентир и не будет знать, куда идти. Память осуществляет связь с подлинным источником, который, по сути, никогда для Адама не иссякает. Память Адама не формальна, *она зовет Адама* как активная сила.

У Фила Коннора «дело обстоит» иначе. Начиная свою жизнь утром 2 февраля, *он не знает, куда идти*, он душевно инертен, и только просыпаясь второй, третий, десятый раз в 6 утра 2 февраля Фил Коннорс начинает осознавать, что «что-то не так». Сначала он дезориентирован, а потом начинает понимать бессмысленность «жизни по течению» и пытается что-то менять. В объективных обстоятельствах он может изменить не многое. Есть вещи, которые герой принципиально изменить не может. Например, он не может спасти умирающего старика, что бы Фил Коннорс ни предпринимал, спасти старика не удастся. Всякий раз сталкиваясь с одними и теми же обстоятельствами и людьми, единственное, что принципиально и радикально он может изменить в мире, – это себя. Приобретая прошлое, он формирует внутри себя резерв силы. Всякий раз возвращаясь в себя, к себе, Фил Коннорс находит себя другим. В итоге у него формируется прошлое и память; происходит самовозрастание. «Память означает изначально вовсе не способность запоминать. Это слово именуется целое духа в смысле постоянной внутренней собранности в том, что сущностно обращено ко всякому чувствованию. Память означает изначально то же самое, что и молитва, поминовение неотпускаемое, собранное пребывание при... а именно не только при прошлом, но и равным образом при настоящим, и при том, что может прийти» [15, с. 160].

Августин писал: «Память ведь и есть душа, ум... Когда я, радуясь, вспоминаю свою прошлую печаль, в душе моей живет радость, а в памяти печаль: душа радуется оттого, что в ней радость, память же оттого, что в ней печаль, не опечалена... Память – это как бы желудок души, а радость и печаль – это пища, сладкая и горькая: вверенные памяти, они как бы переправлены в желудок, где могут лежать, но сохранить вкус не могут» [4, с. 277]. *Получается, что память нам демонстрирует принципиально идеальный характер.* Мы помним, что такое красное, можем помнить, что нам было больно – и даже очень больно, – но этого не чувствуем. *Чувство здесь превращается в идею.* Ничего не чувствую – не над чем думать. Память напрямую связана с переживанием, с ощущением жизни. Она есть ресурс жизни, дополнительный источник энергии, по типу кислорода, ископаемых углей, железа, марганца, фосфора, которые, являясь побочным продуктом жизни, одновременно является также ее условием.

Человек – предохранитель времени в самом общем смысле, как тот, кто защищает. *Человек защищает время внутри себя от рассеивания*, от расширения/растяжения, коль скоро время есть принадлежность внутреннего мира. «В тебе, душа моя, измеряю я время» [Там же, с. 354]. Способ существования человеческих предметов в том, что они всегда предполагают наличие конкретного усилия, которое будет поддерживать существование чего бы то ни было – собой. Память поддерживает живое, и поэтому Филу Коннорсу она так нужна.

Отсутствием памяти страдает Харри, «девушка-воспоминание» из фильма А. Тарковского «Солярис». Харри очень переживает оттого, что у нее возникает естественное желание вспомнить прошлое, но желание не реализуется. «Не помню» – часто эта фраза сопровождается отрицательной эмоцией, свидетельствую-

щей о потере. И только пожив «реально», отцепившись от своего онтологического источника Криса Кельвина, Харри начинает чувствовать себя человеком. В «Солярисе» память объективна. Не просто объективна, она *объективирована*, ибо внутренние миры героев вынесены наружу. На самом деле это страшно – вынести свое сокровенное, то, что определяет тебя как самость и, – на всеобщее рассмотрение. Но справедливость фильма в том, что все герои находятся в равных условиях. Фантазии памяти доктора Сарториуса представлены лабораторными уродцами-карликами. Кибернетик Снаут награжден беспощадным Солярисом маленькими детьми. Почему у одного героя уродцы, у другого дети, а у третьего бывшая жена – не важно, точнее, вопрос «почему» показывает свою полную бессмысленность. Отвечать на этот вопрос – «все люди разные, каждая жизнь уникальна и неповторима» – это все равно, что ничего не сказать. Память здесь не отвечает на вопрос «почему», она просто фиксирует наличие жизни.

Вынесенные в «Солярисе» наружу герои А. Тарковского, как иконы, выглядят плоскими и двумерными. Вот он я, а вот то, что меня более всего заботит. А если более всего, значит давно, и, значит, еще не прожито. Прошлое совмещается с настоящим. Активизация внутренних переживаний, которые, казалось бы, канули в Лету, демонстрирует одновременность всех внутренних завалов памяти. Время представлено во всей полноте: как актуальность, как целое.

Память – это не просто идеальное воспроизведение предмета, это воспроизведение времени, и дело не только в том, что предмет вспоминается вместе с историческим контекстом, т. е. в совокупности связей и отношений, присутствующих на тот момент времени, на то «теперь», уже прошедшее и ставшее прошлым. Память – это воспроизведение всего континуума времени как такового. Вот тому поэтический пример:

У памяти на самой кромке
и на единственной ноге
стоит в ворованной дубленке
Василий Кончев – Гончев, «гэ»!
Он потерял протез по пьянке,
а с ним ботинок дорогой.
Пьет пиво из литровой банки,
как будто в пиве есть покой.
А я протягиваю руку:
уже хорош, давай сюда!

Я верю, мы живем по кругу,
не умираем никогда.
И остается, остается
мне ждать, дыханье затая:
вот он допьет и улыбнется.
И повторится жизнь моя [11, с. 244].

В этом стихотворении Бориса Рыжего от «таких мелочей», как пиво, протез, ворованная дубленка и прочее, зависит глобальная вещь – повтор жизни, вера в бессмертие. Поэт прямо говорит про это с улыбкой и легко. Однако слово «кромка» указывает, что может быть и другая сторона – беспомыслие, соответственно – безжизненность и безверие. Ведь кромка – это тонкая граница, водораздел, самый край.

М. Хайдеггер подчеркивает, что человек *заброшен*. Заброшенность предполагает, что человек не выбирает страну, в которой родится, родителей, время рождения, язык, культуру, бедность/богатство и многое другое – человека просто ставят перед фактом. Человек заброшен «в жизнь», как диверсант, который вынуж-

ден приспособливаться к новым, «инородным» условиям. Но у *заброшенности* есть и другое значение. Человек заброшен, когда он никому не нужен, никем не любим. М. Хайдеггер, вероятно, хотел сказать, что человек не выбирает лишений, дырок, зла. Философ представил человека как сироту, ведь человек часто ведет себя как сирота. На самом деле человек совсем не брошен. Мы все возникаем в уже ставшем мире, на лоне прошлого, мир уже приготовился к нашему рождению – культурой, речью, эпохой. Человек всегда уже *наследник*. Но прошлое, «культуру в помощь» надо просто освоить. «На сделанном вчера нельзя прилечь поспать», – говорили древние греки. «Действительно, ни на что нельзя положиться, даже на сделанное тобой самим, его все время нужно заново и актуально держать» [9, с. 51]. Мир являет себя как вечное возникновение.

Время «развлекается» с Филом Коннорсом, начисто отменяя все то, что он сделал. Оно оставляет его всякий раз «у разбитого корыта»: «Посмотри, – говорит время, – ты находишься у меня в плену, ты не можешь из меня вырваться, ты в моем кольце, ты опять на начальном рубеже!» Но Фил Коннорс – *Дон Кихот, сражающийся со временем и не знающий, что он смертен*. Разгоняясь внутри себя на виражах памяти, он растет вовнутрь, начиная каждый новый день в бóльшей ясности мышления и понимания себя.

«Пленение временем может разрушить только само время, только то, что сродни времени и что вслед за Кьеркегором мы называем “мгновением”. Мгновение разрушает чары времени, может их разрушить, поскольку оно есть возможность самого времени. Мгновение – не какой-то момент “сейчасности”, лишь констатируемый нами, но взгляд вот-бытия в трех направлениях, которые мы уже знаем: в направлении настоящего, будущего и прошедшего. Мгновение – это взгляд своеобразный, который мы называем взглядом решимости действовать в том положении, в котором вот-бытие находится» [14, с. 241]. Оказывается, что в ситуации «2 февраля» нужно рождаться шаг за шагом и поддерживать это свое рождение постоянным живым вниманием.

Человеческие предметы в мире избыточны, как и сам человек, их вполне могло бы не быть, но тем не менее мы обнаруживаем тенденцию к возрастанию/усложнению жизни. «История, – пишет Гуссерль, – есть не что иное, как живое движение совместности и встроенности друг в друга изначального смыслообразования и смыслооседания» [6, с. 235]. Свобода предполагает создание нового мира из себя. Фил Коннорс *рождает мир шаг за шагом внутри себя*. И не важно, что внешне этого не видно: и «день сурка» всякий раз спорит с героем по поводу его усилий. Тем не менее происходят глобальные изменения в самом человеке. Для вхождения в Новый день Фил Коннорс должен был сильно измениться: по-другому не пускали. У Аристотеля действительность – это деятельность, в «Метафизике» прямо сказано: «Очевидно, что действительность, или деятельность, первее возможности или способности» [2, с. 244]. Целевая причина определяет не только направление поиска, но и вкуче с действующей причиной формирует сущность.

Например, живописец рисует цветок. Цветок такой же, как миллионы других, но живописец рисует именно его. У Экзюпери есть удивительное наблюдение, свидетельствующее о включенности человека в *мирообразование*. Когда Маленький принц увидел в саду пять тысяч одинаковых красных роз, он сел на траву и заплакал. Он полагал, что его Роза – единственная, и она сама уверяла его именно в этом. «Я-то воображал, что владею единственным цветком в мире, какого ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух, и, может быть, навсегда... Какой же я после этого принц?» Маленький принц считал в голове «на калькуляторе» свои владения и остался недоволен, а почему? По-

тому что применил количественный мертвецкий принцип к пониманию жизни. «Обезличивание мира содержит в себе предположение, что всегда возможно дру-гое» [9, с. 75].

Но, подумав немного, Маленький принц понял, что розы, которые его окружают, – ничьи. Мы можем сказать, что они простые объекты объективного мира, уравнивающего их со всеми другими предметами объективного мира, ставящими их в один ряд со всем наличествующем. Они даже не предмет, коль скоро предмет то, что обязательно находится во внимании человека. Они просто объект, доопределенное нечто, потенция для осмысления, отношения. Их надо еще вывести из этой безликости личным усилием. Как сказал поэт о такого рода особом взгляде на мир, который этот самый мир поддерживает:

Как измеряют рост идущим на войну,
как ходит взад-вперед рейшина параллельно,
так этот длинный взгляд, приделанный к окну,
поддерживает мир по принципу кронштейна.

....

Поддерживает мир, чтоб плотность городов
Стояла на весу как жесткая система –
Пустой кинотеатр, днище гастронома,
И веток метроном, забытый между стен... [7, с. 9].

И наконец, последнее: оказывается, что решить *проблему 2 февраля* помогает «другой», и мы пытаемся это доказать.

«Узнать можно только те вещи, которые приручишь, – сказал Лис. – У людей не хватает времени что-либо узнать. Они покупают вещи готовыми в магазинах [12, с. 76]. У В. Набокова есть рассказ «Благость». Стандартная история невозможной, невзаимной любви, каких множество. Содержание рассказа традиционно с точки зрения обычных фактов: художник (скульптор) влюблен в женщину, безликую, оживающую только под воздействием его мастерства. Художник ждет и не верит в свои ожидания: обычные противоречия души, когда иллюзия дороже здравого смысла. «Я не верил, что ты придешь. Но ждал тебя, как не ждал никогда, тревожно курил, заглядывал за ворота на чистую площадь в начале бульвара; и снова отходил в свой угол, стараясь не подавать виду, что жду, стараясь представить себе, что вот, пока я не гляжу, ты идешь, приближаешься, что если опять взгляну туда, за угол, то увижу твою котиковую шубу, черное кружево, свисающее с края шляпы на глаза, – и нарочно не смотрел, дорожил самообманом» [10, с. 119–120]. Рядом с художником старушка продает открытки с видами Берлина. Она тоже ждет своего покупателя и тоже притворяется, что ничего не ждет. «Люди без конца проходили между колонн, огибая угол гауптвахты; иной взглянет на открытки. Тогда старушка вся напрягалась, впивалась яркими крохотными глазами в лицо прохожего, словно внушала ему: “купи, купи...” – но тот, окинув взглядом цветные и серые снимки, шел дальше, и она, как бы равнодушно, опускала глаза, продолжала читать красную книгу, что держала на коленях» [Там же, с. 119]. Но покупатель не идет, так же как не идет к художнику любимая. Мир равнодушен к их ожиданиям. «Оставление в пустоте означает: будучи наличным, ничего не предлагать. Опустошенность подразумевает: ничего не получить от наличного» [14, с. 170].

Художник ждет женщину, но женщина равнодушна и не приходит. Старушка рядом продает открытки и путеводители по Берлину, и покупатель тоже не идет. Люди изначально перемещены в других людей, даже тогда, когда никого рядом нет. Пустота всякий раз свидетельство отсутствия. Люди часто проходят мимо друг друга, не оставляя в памяти ничего. Но бывает и совсем другая ситуация, ко-

гда человек спрашивает себя, думая о другом человеке: «А сколько в нем/ней меня?» Это первое, что спасает от пустоты. «Ведь сущностный строй человеческого вот-бытия, которое изначально есть со-бытие с другими людьми, характеризуется тем, что фактически экзистирующий человек уже всегда с необходимостью фактически вращается в определенном способе со-бытия с другими, т. е. в сопутствовании. Однако по разным и отчасти существенным причинам теперь это сопутствование друг другу превратилось в расхождение, противостояние или – прежде всего и почти всегда – в параллельное движение» [14, с. 316].

В. Набоков показывает возможность преодоления 2 февраля, или замкнутого мира Немо, или скучного мира Ионыча, через *минимальное душевное усилие* как выход в иное измерение, размыкание собственного мира. Нелепые, немые ожидания должны привести людей к потере себя и, как следствие, к разрушению мира. Но этого не происходит – вдруг открывается окно гауптвахты, рядом с которой происходит «ожидание» и из окошка солдат протягивает старушке кружку горячего кофе с молоком. Этого простого жеста достаточно для изменения мира, который меняется «от меня» как «от печки».

«Как часто и подолгу мы тяжело переносим нашу невозможность сопутствовать другим! И разве мы не испытываем новый подъем в нашем вот-бытии каждый раз, когда нам удается такое сопутствие в наших сущностных отношениях с другими людьми?» [Там же].

Противоречия и парадоксы для человеческой жизни являются нормой. И дело не только в формальных вещах: наличие противоречий необходимо для объяснения многообразия развивающегося мира. Дело зачастую касается того, что от человека требуется вместить невозможное. Необходимо стянуть противоречия в своей душе, не отпускать противоречия в мир, в мире и так много хаоса, недоразумений и ложного. Оставить противоречия в себе, переплавить их, как несгораемый тигель. С. Кьеркегор предлагает в пример Авраама. Конечно, этот пример не «минимальное душевное усилие», а, скорее, максимальное. Но чтобы понимать, что такое усилие вообще, необходимо иметь перед глазами образец, предел парадокса и предел человеческих сил, иначе свои собственные парадоксы покажутся верхом мучений.

У Авраама есть любимый единственный сын Исаак. Аврааму было обещано, что он станет отцом народов. Понятно, что *Исаак – прямой путь* для воплощения этого обещания. Но в определенный момент времени Бог говорит Аврааму, что сын его должен быть жертвой Богу. «Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойдешь в землю Мориа, и там принеси его во всеожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе» [5]. Исаака, любимого сына, забирают: убей – говорит Бог. Авраам верит Богу, он верит каждой клеткой души, каждой ее струной. Он отдаст. Или он не верит? Нет, он верит в то, что Всемогущий Бог требует от него сына в жертву, смысл его жизни. Но он верит и в Завет – в то, что от него, Авраама, пойдет великий род, значит, Исаак рожден не просто как обычный человек. *Авраам верит в противоречивые вещи*. Авраам не тщеславен, он может быть отцом народов, если надо, а может и не быть. И, конечно, он очень любит сына, он как отец хочет, чтобы его дитя было живо, он хочет простого. Но Авраам верит в Бога, который говорит: убей сына, это жертва. Приказ без объяснений.

Зачем Бог посылает Авраама в трехдневный путь к горе Мориа? Можно было принести в жертву Исаака тут же, сразу. Это похоже на то, что происходит с человеком вообще: Бог дает человеку жизнь, но в итоге человек все равно умирает, как бы он ни жил, пройдя какой-то свой путь. Кто-то более-менее счастливый, кто-то полный страданий; жизнь ценится любая, или почти любая. С Авраамом все страшнее, он должен принести в жертву Богу, который есть любовь, свое лю-

бимое дитя. Это понять невозможно. Это и есть настоящий абсурд. Этот абсурд не требует от человека качеств бунтаря, как предлагает своим примером Сизиф. Сизиф утверждает свою волю в сопротивлении абсурдным обстоятельствам. Сизиф настаивает на своем, и тем самым, как полагает Камю, приобретает свою сущность. Сизиф понятен, он человекоразмерен. Авраам непонятен, и уж точно непонятен Бог. По большому счету Бог непонятен с того момента, как наказал людей за грехопадение в Райском саду. Бог непонятен, посылая Сына своего на крестную смерть, позорную и страшную в последней степени. Сын принимает смерть, слушает Отца и тем самым дает возможность Адаму вернуться в потерянный рай. Усилия по принятию подобного рода решения кем-то в отношении тебя суть усилия максимальные, запредельные в прямом смысле слова. Но без учета этих запредельных усилий наши собственные усилия не имеют горизонта, и несчастный Фил Коннорс так и останется в вечном втором февраля.

Литература

1. Андерсен Г. Х. Сказки. – Ф. : Мектеп, 1988. – 624 с.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1975.
3. Библия. Ветхий завет. Бытие. – Гл. 3. Ст. 9.
4. Блаженный Августин. Исповедь. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007.
5. Бытие. – Гл. 22. Стих 2.
6. Гуссерль Э. Начало геометрии. – М., 1996.
7. Еременко А. Инварианты. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1997. – 175 с.
8. Кортасар Х. Игра в классики. – М. : Художественная литература, 1986. – 574 с.
9. Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2012. – 320 с.
10. Набоков В. В. Рассказы. Воспоминания. – М. : Современник, 1991. – 653 с.
11. Рыжий Б. Оправдание жизни. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004.
12. Сент-Экзюпери А. де. Маленький принц. – М. : Эксмо, 2008. – 104 с., ил.
13. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Пять ложек Эликсира : избранные сценарии. – М. : Наука, 1990. – 256с.
14. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. – СПб. : Владимир Даль, 2013. – 592 с.
15. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? – М. : Академический проект, 2010. – 351с.
16. Чехов А. П. Собрание сочинений : в 8 т. – Т. 6. – М. : Правда, 1970. – 488 с. – (Библиотека «Огонек»).

Elena Uryevna Pogorelskaya,

Candidate of Philosophy, Associate Professor at Hospitality and Tourism Chair, Faculty of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Leonid Sergeevich Chernov,

Candidate of Philosophy, Associate Professor at Philosophy and Political Science Chair, The Russian Presidential Academy on National Economy and Public Administration (RANEPA), Ural Institute (Ekaterinburg)

On Eternal Return: the Case of Phil Connors

The article is devoted to the problem of time in its existential-philosophical aspect. The authors analyze the temporality of a person through the phenomena of boredom, absurdity, death, repetition. Using the examples of philosophical classics, cinema and literature they examine the ways and means of overcoming the crisis conditions of a person in the modern world.

Key words: time; temporality; repetition; boredom; absurdity; death; immortality; target cause; «Groundhog Day».